

Известия - 1993 - 28 сент. - С. 6.

Октябрьская революция в зеркале Вандеи

Александр Солженицын открыл мемориал жертвам Вандейского восстания и памятник Марине Цветаевой

Юрий КОВАЛЕНКО, «Известия»

Именно в Вандее, считают в этой французской провинции, пришло в движение «красное колесо», которому в дальнейшем предстояло раздавить Россию. Именно здесь сделало оно свои первые обороты, и зерна революционного террора, посеянные якобинцами во Франции и возвращенные ленинцами-сталинцами, два столетия спустя расцвели пышным цветом ГУЛАГа в Советской России.

Это говорил Александр Солженицын во время величественной церемонии открытия памятника жертвам Вандейского восстания в Люк-сюр-Булонь, на которую собралось около 30 тысяч местных жителей.

В Вандее — примыкающем к Атлантике департаменте Франции — в 1793 году вспыхнуло крестьянское восстание, вылившееся в войну против революции. Оно было жестоко раздавлено отрядами генерала Тур-

ро — так называемыми «кадскими колоннами»...

Торжествам по открытию мемориала жертвам революции исключительную значимость придал приезд Александра Солженицына, которого здесь назвали «русским вандейцем». Приехал сюда и филармонический оркестр Санкт-Петербурга.

Многовековой истории Вандеи был посвящен и состоявшийся накануне в местечке Пюи-дю-Фу грандиозный народный спектакль, которым Солженицын, по

его словам, был потрясен. Сбор от него в размере 350 тысяч франков переданы в Фонд помощи жертвам ГУЛАГа, который возглавляет Наталья Дмитриевна Солженицына.

На краткой встрече с Александром Исаевичем в Люк-сюр-Булонь после открытия мемориала интересовали дела исключительно настоящие, и прежде всего его оценка московских событий.

— Все восточноевропейские страны просыпаются после 40-летнего коммунизма, — отметил Солженицын. — Это сообщает им некоторые общие черты. Советский же Союз был под коммунизмом 70 лет... Поколения наших людей пострадали больше, и наш выход мучительнее...

Кроме Александра Солженицына, другим «русским вандейцем», наверное, можно назвать Марину Цветаеву. С присутствующим поэту пророческим даром она,

видимо, первой еще в 1918 году в «Лебедином стане» сравнила с вандейской трагедией судьбу России, ее белой гвардии.

И в том, что выдающийся русский писатель открыл в Вандее в городке Сен-Жиль-Круа-де-Ви, где Цветаева прожила полгода, памятник великому русскому поэту, нельзя, разумеется, не увидеть извечной связи вре-

мен. — Я давно являюсь поклонником ее поэзии, — сказал Солженицын на церемонии. — Но, кроме того, у Цветаевой была великолепная проза. И мне пришлось из ее прозы почерпнуть определенные уроки и опыт для собственной работы... Так по многим причинам я чувствую себя сегодня породненным и с этим местом, и с этой памятью.

ЛЮК-СЮР-БУЛОНЬ —
СЕН-ЖИЛЬ-КРУА-ДЕ-ВИ —
ПАРИЖ.

Выступление Александра Солженицына

Господин президент Генерального Совета Вандеи!

Дорогие вандейцы!

Две трети века назад, еще мальчиком, с восхищением читал я в книгах о мужественном и отчаянном Вандейском восстании, — но никогда бы не могло мне и пригрезиться, что в старости доведется мне честь самому открывать памятник героям и жертвам того восстания.

От него прошло уже двадцать десятилетий — и с разными десятилетиями в разных странах, совсем не только во Франции, Вандейское восстание и его кровавое подавление виделись по-новому и по-новому. Да все события истории никогда полностью не понимаются в раскале современных им страстей — а только на большом отстоянии охладительного времени. Долго не хотели услышать и признать того, что кричало голосами погибающих и даже сжигаемых заживо: что крестьяне трудового края, ради которых будго бы и делалась революция, — доведенные именно ею до крайности притеснения и унижения — восстали против нее!

Что всякая революция выпускает из людей наружу инстинкты первобытного варварства, темную стихию зависти, жадности и ненависти — было слишком видно и современникам. Достаточно страшно достался им тот повальный психоз, когда проявить себя, да даже только показаться умеренным — уже выглядело преступлением. Но особенно XX век сильно и сильно снизил в глазах человечества тот романтический ореол ре-

волюций, который еще господствовал в XVIII-м. Отдаляясь на полувек и века, люди стали все более убеждаться на своих же бедах, что революции разваливают органичность общества; разоряют естественность жизни; уничтожают лучшие элементы населения и открывают простор худшим; что никакая революция не может обогатить страну, лишь немногих бессовестных ловкачей, своей же стране в целом несет она многие смерти, широкое обнищание — а в самых тяжелых случаях и долговременное вырождение народа.

Да само слово «революция» от латинского *revolve* — означает «катить назад», «возвращаться», «снова испытывать», «вновь разжигать», в лучшем случае — «переворачивать». Незавидный перечень смыслов. Сегодня в мире если к какой революции и прилагают атрибут «великая» — то с большой осторожностью, а нередко — и с большой горечью.

Теперь мы все более понимаем, что страстно желаемый нами социальный эффект, но с неизмеримо меньшими потерями и без всеобщего одиноания, — достигается нормальным эволюционным развитием. Надо уметь терпеливо улучшать то, что у нас есть в каждое «сегодня».

И тщетно было бы надеяться, что революция может изменить к лучшему человеческую природу, — а ваша революция, — особенно наша, российская, — сильно надеялись на это. Французская революция текла во имя внутренне противоречивого

и неисполнимого лозунга — «свобода, равенство, братство». Но в общественной жизни свобода и равенство — исключают друг друга, враждебны друг другу: ибо свобода разрушает социальное равенство, в этом и свобода, а равенство — подавляет свободу, иначе не достичь. Братство же — вообще не из их семьи, это лишь крылатый добавок к лозунгу: подлинное братство достигается не социальными средствами, а лишь духовными. А еще ж к этому тройному лозунгу угрожающе добавлялось «или смерть!», уничтожая уже и весь смысл его.

Никакой стране никогда не пожелаю «великой революции». Революция XVIII века лишь потому не погубила Францию, что в ней состоялся Термидор. А вот в российской революции не было останавливающего Термидора — и она, без излома, докатила наш народ — до конца, до пропасти, до пучины гибели.

Мне жаль, что здесь сегодня нет ораторов, которые бы добавили еще и от пережитого в глубинах Китая, Камбоджи, Вьетнама, — какой ценой далась революция им.

Опыта Французской революции, кажется, было достаточно, чтобы наши российские рационалисты — устроители «народного счастья» научились на нем. Но нет! — в России все совершилось в еще худшем виде и несравнимых масштабах. Многие жестокие ухватки французской революции были ученически повторены на теле России коммунистами-ленинцами, интернаци-

онал-социалистами — только их организованность и систематичность были много выше якобинских.

Термидора у нас не было, но Вандея — к нашей духовной гордости была и у нас, и даже не одна. Это большие крестьянские восстания — Тамбовское 1920—21, Западно-сибирское 1921. Известен такой эпизод: толпы крестьян в лаптях, с дубинами и вилами, пошли на Тамбов под колокольный звон окрестных сел — и посечены пулеметами. Тамбовское восстание продержалось 11 месяцев, хотя коммунисты давили его броневиками, бронепоездами, самолетами, брали в заложники семьи повстанцев и уже готовили к применению отравляющие газы. И еще было у нас — непримиримое сопротивление большевизму казаков уральских, донских, кубанских, терских, залитое огромной кровью, геноцидом.

И вот, открывая сегодня памятник Вашей героической Вандее — я испытываю двоеение взгляда: я мысленно вижу и те памятники, которые когда-нибудь поднимутся в России — как знаки нашего русского сопротивления накату зверского коммунизма.

Мы все с вами пережили XX-й — насквозь террористический — век, содрогавшее увенчание того Прогресса, о котором столько мечталось в XVIII-м. И, я думаю, теперь — все больше французов, со все большим пониманием и гордостью будут вспоминать и оценивать самоотверженное вандейское сопротивление.